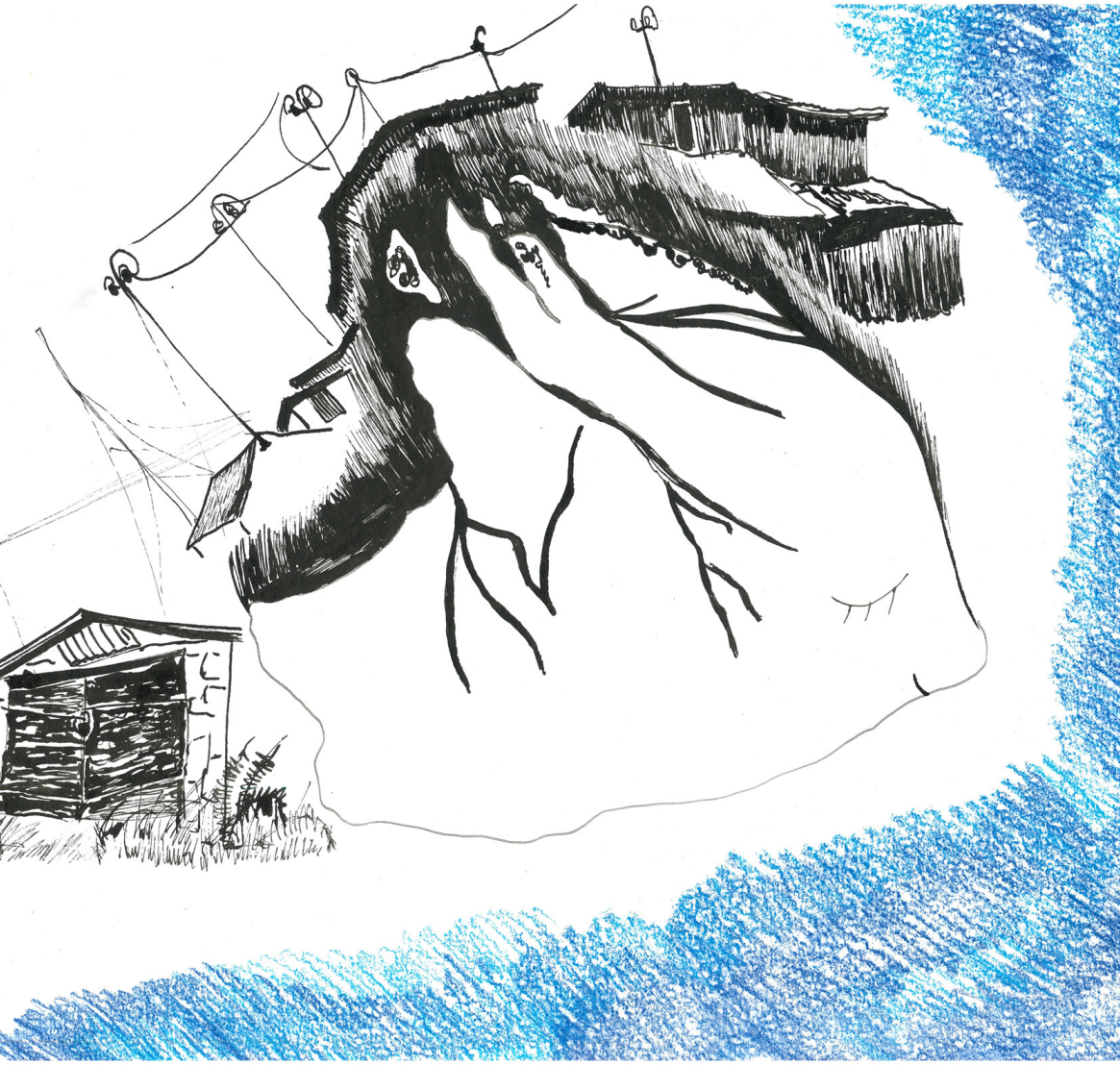
ПУТЬ К МОРЮ

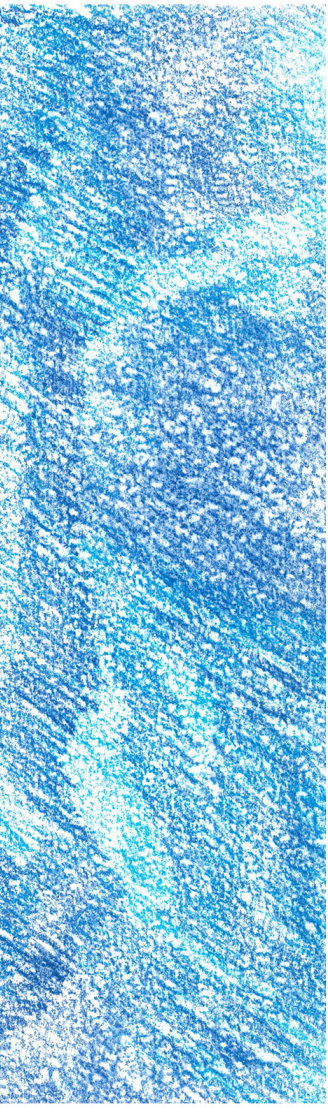
Книга-путешествие о реке Мезень и её жителях

Елена Сакирко

1. Из июня в июль

Я, пожалуй, начну с конца. Пока ты все ещё едешь на камазе, заваленный вещами (вот это приключение!) обратно этот путь длиною в вечность (спасибо Лёше за меткие слова), из Архангельска через купание в ночной Пинеге до переправы и снова на тот берег до Дорогой Горы, я начну возвращаться и вспоминать день за днём, дом за домом, чай за чаем, как это было.. Занавески, как картины на окнах, а за ними целые миры — прожитые, утраченные, забытые или застрявшие между крапивой и щавелем, между таволгой и чабрецом на высоком красном угорье. Дневник ещё не дописан, разговоры не договорены, а все образы уже настоящие, шепчут свои истории и заговоры, подливают молока в бутылки и творог процеживают, да смотрят украдкой. Вдруг откроют тебе сундук с приданым, и подложат ещё сметаны с творогом, да грибов с огурцами. Дома стоят огромные, тёмные, покосившиеся. И хранят свои тайны. Как ты ни выведывай. Не выведывай.



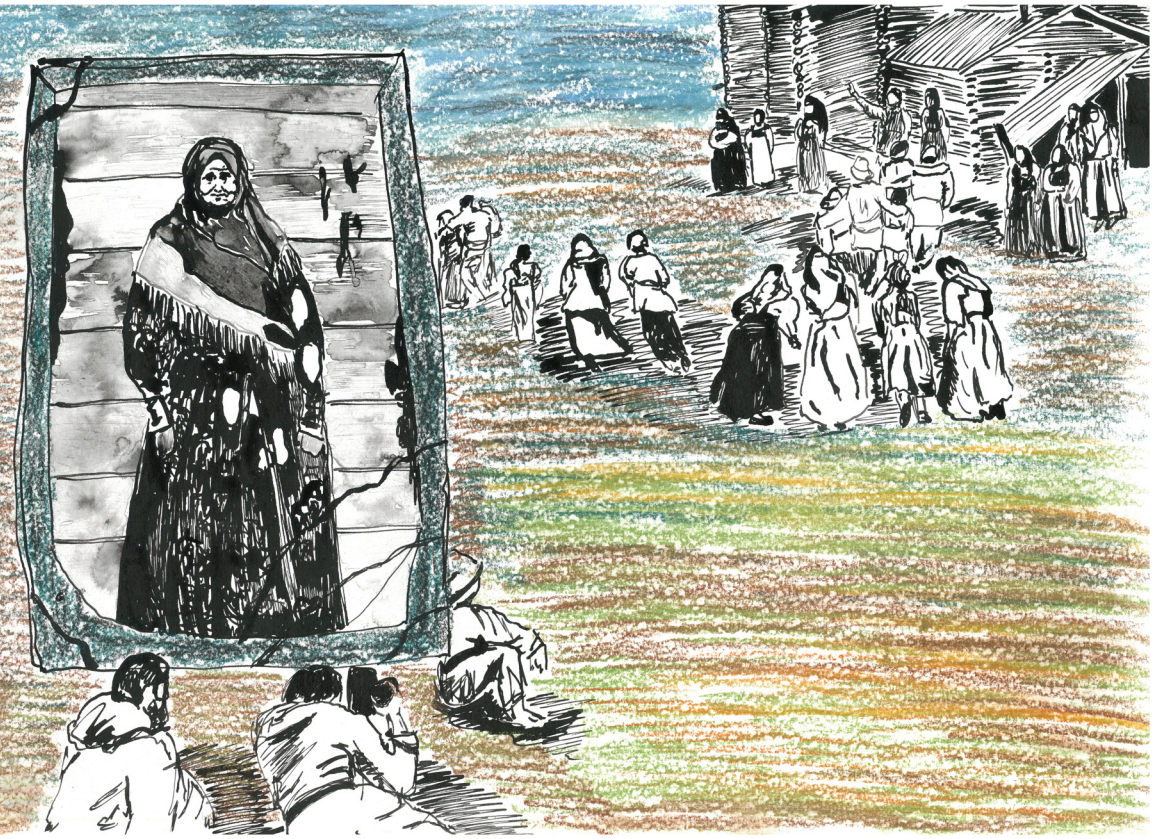


2. Остров Кего

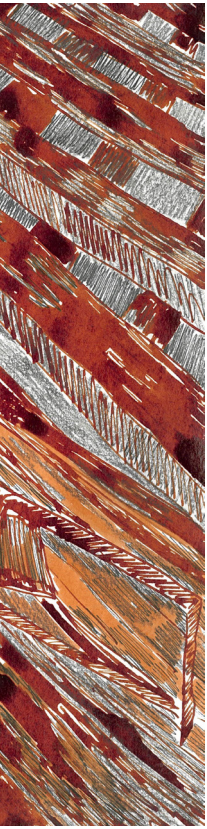
Когда ещё в мае прошлого года нас занесло на Кегостров, я подумала, что, если в Архангельск, то жить здесь. Ты в городе, но на острове. Современность здесь застряла в старых поветях и рассказах потомков, дома поднимают и сохраняют, а автомобилям номера не нужны. И вот в последний день нашего путешествия мы снова попали сюда — наведались в гости к старому Соломбальцу — можно подумать, что это имя такое, но это лодка. Она стоит во дворе дома, там, где очень давно была река, можно представить, что лодка так и обсохла оставленная хозяином. А когда-то даже в море ходила. Столько всего, наверное, повидала. Новая хозяйка лодки живет в доме, которому более 150 лет, и мы оказались у неё в гостях. Наталья бережно собирает истории острова и его жителей, красивые вещи, сделанные разными мастерами и старые поморские предметы быта. Дом похож на музей — как остров памяти и красоты на самом острове. Удивительно красивы сарафаны и платья, вышитые Натальей. Теперь это мечта.

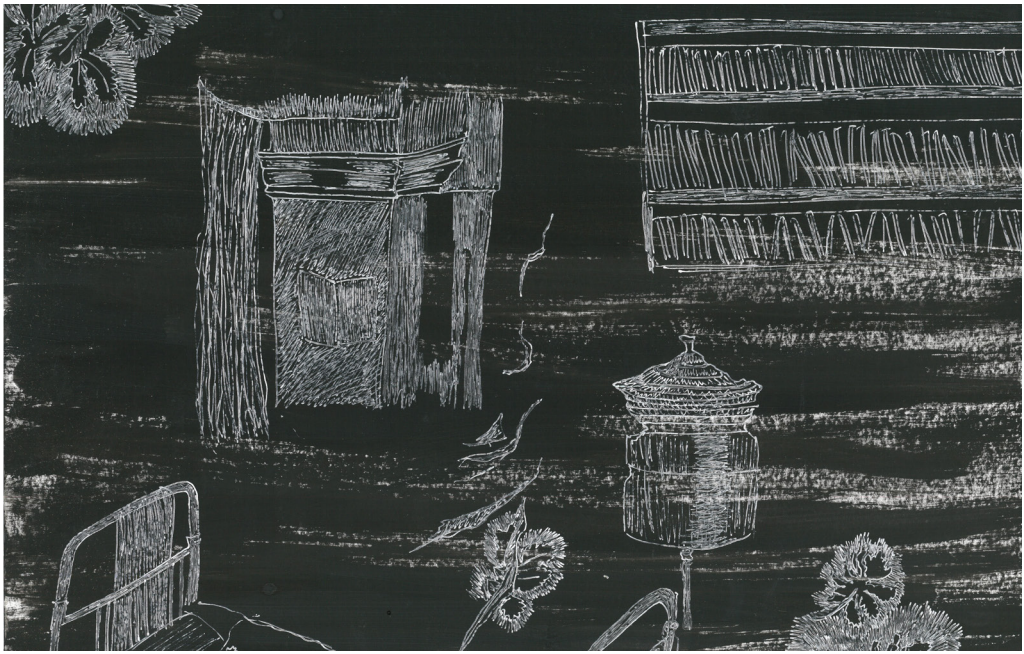
3. Десять комнат Евдокии

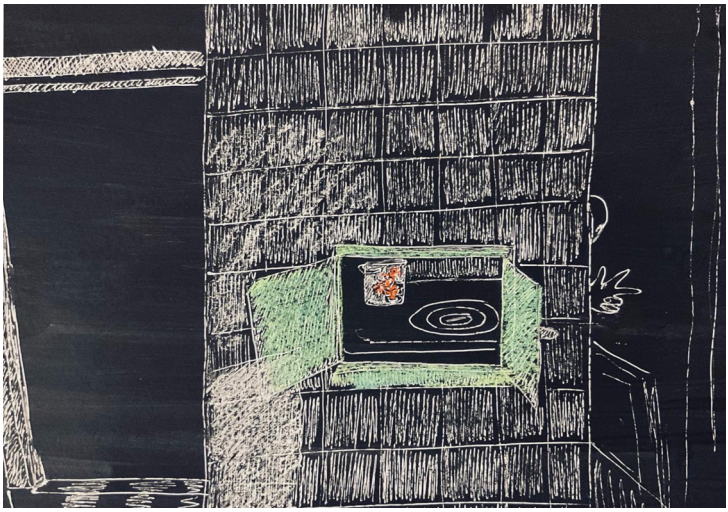
Пока ты снова в Дорогой Горе, или уже нет, тебе вдогонку, пока ты уходишь к морю, пишу дальше. Дальше — про десять комнат Евдокии. Можно подумать, мы встретились случайно. Шли за рукавицами к кресту, а оказались в комнате, где вырос Виктор Петрович - мастер, который построил наш карбас. И вот оно окно, откуда в 2 года выпал Витя. А вон та половина дома — там сейчас никто не живёт — а раньше этот дом принадлежал отцу Виктора Петровича — Пете Сумочке. Сумочка — потому что носил свои инструменты всегда с собой, шил карбаса и делал много всего красивого из дерева. И построил большой дом, там комнат десять, наверное, не меньше — рассказывают нам. И вот мы идём уже в этот дом знакомиться со старшей сестрой Виктора Петровича — Евдокией. Внутри светло и чисто. Старинные деревянные шкафы («все папа делал»), семейные фотографии и печки. Евдокия Петровна здесь на лето с внуком. В доме огромная поветь и много комнат со старинными вещами, где-то ремонт, где-то планы, как что сделать. Хозяйке нравится восстанавливать старые вещи и дома, продумывать, как обустроить пространство. Мы ходим по старому дому, как по лабиринту, поднимаемся на самый верх — на вышку — в самый центр дома. Оттуда видно реку с высоты. Евдокия предлагает нам остаться здесь на ночь с малышом. В тёплом доме. В комнате печка, ее в 12 лет сложил Виктор Петрович. Странно и в то же время так логично, что мы оказались именно в этих домах, в той комнате и в этой. Мы уходим ночевать на карбас, но возвращаемся на следующий день. После праздника едим блины, отмечаем Иван-день и смотрим семейный альбом. Лица, судьбы, похожие и нет - всё переплетается, яркие цветные сарафаны в черно-белом альбоме, дома и праздники в Доме культуры. Аккордеоны, лодки, семьи, дети, внуки, бабушки, ссыльный, первая любовь, семейные легенды и тайны. Порванная фотография. Кто на ней? Я слушаю, переспрашиваю, хочу запомнить, но всё путается, смешивается с моей фантазией. В памяти остаются лица, отрывки историй, ракурсы, взгляды, старинные наряды и шкафы. И тёмная поветь.



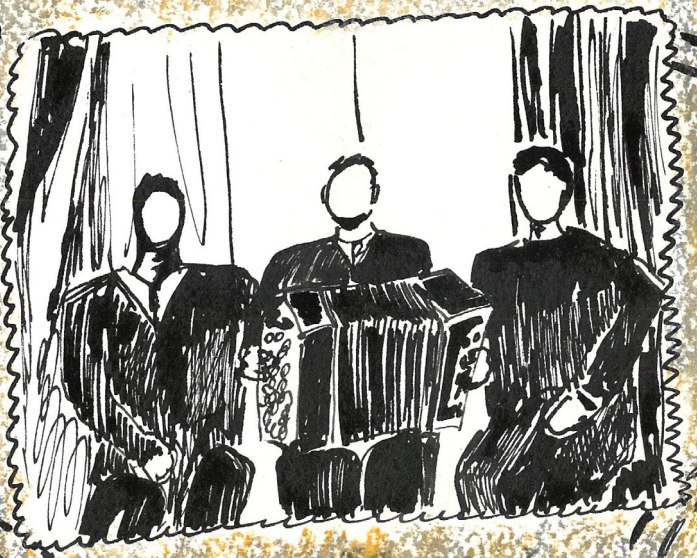
Кажется, что тут собираются все духи этого места, и что-то вспоминают. Внук Евдокии Федя пробует играть на аккордеоне, и говорит, что получается очень страшная мелодия. А потом дарит мне сразу несколько рисунков. На одном из них — наш карбас Ковда из окна вышки, где мы всё же остались на ночь. Это финал нашего путешествия и только начало моего, Дорогая Гора, семейный дом Петра Кузнецова, отца Виктора и Евдокии.

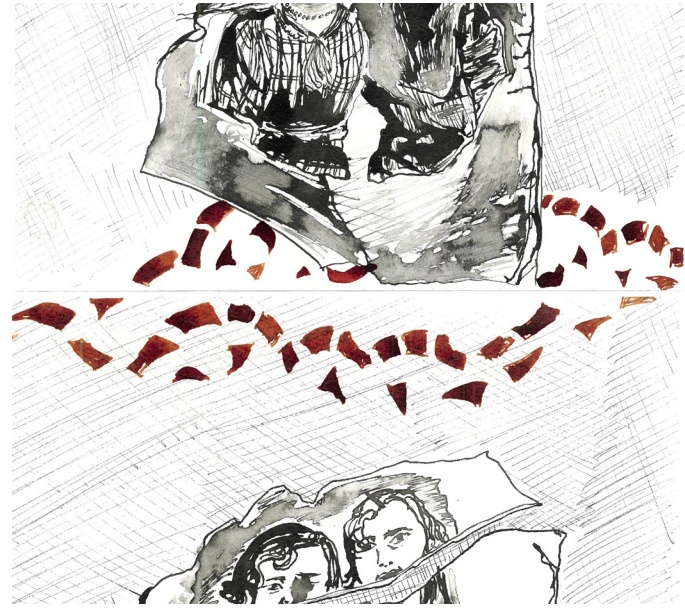




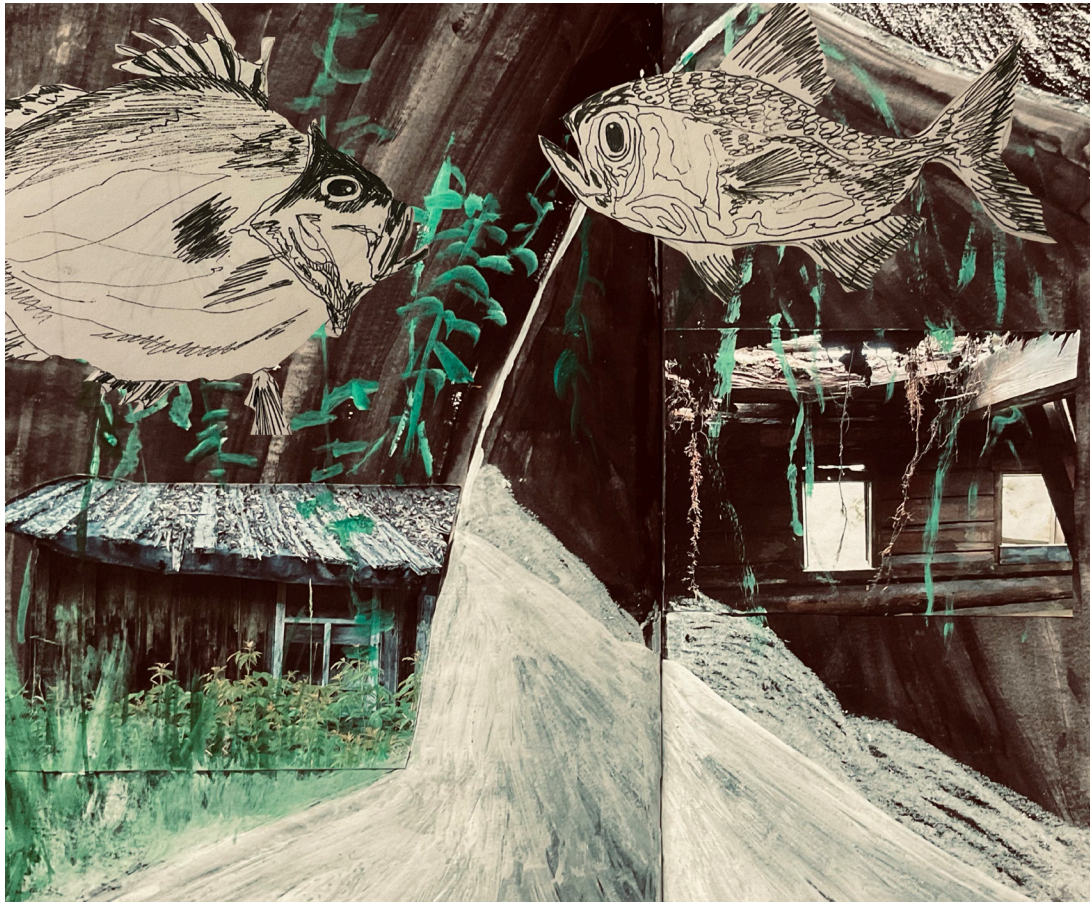


LPN-0018





НА ПАМЯТЬ



4. Почему север?

Ты в море, и пока молчишь. А я думаю и вспоминаю. Зачем вообще я еду на север? Может быть, это огромное необъятное небо тундры, солнечная ночь на реке или просто другое течение времени? Может быть, это остовы старых домов, которые стоят как живые и хранят помять о своих хозяевах и о том, что здесь было раньше. Или резные деревянные обетные кресты. Может быть, это ветер. Ветер, который иногда здесь задувает так, что «неможно выйти». Может быть, это что-то ещё, чай с морошкой или хлеб с рыбой, окна домов, откуда видно, как раскинулась и ветвится река, или запах сушённой таволги на прохладном чердаке. Могу часами гулять между покосившимися амбарами и домами, рассматривать неровные живые изгибы старого дерева, кружевные занавески на окнах, пахучее разнотравье, по которому плывут высокие гордые строения, выискивать останки старых карбасов и разной деревенской утвари... путешествие по реке похоже на лоскутное одеяло: мы заходили в разные деревни, гуляли, знакомились, пили чай, что-то узнавали, ныряли в чьи-то истории и снова выныривали, чтобы идти дальше, выхватывая кусочек пространства, забирая с собой вечер, взгляд, встречу, банку молока или хлеб, семейную тайну, укусы комаров, колокольный звон или бабушкино платье.

5

5. Иван-день

Мы кроили наше путешествие по дням, пытаясь посчитать, как нам успеть на переправу через понтон (временный летний мост через Мезень), в какие деревни сможем зайти и сколько там проведём времени, но в Заозеорье Алексей сказал нам: «Так нельзя. На реке время течёт по-своему». Я подумала тогда — как это точно и про каждое путешествие... Если не спешить и не планировать, но немного прислушаться к воле пространства и просто следовать за событиями и встречами, удивительные случайности случаются, и вообще происходит много всего хорошего. Таким был Иван-день — съезжий праздник в Дорогорском. Я уговорила всех остаться и придумала, что потом мы пойдём в гости к Евдокии смотреть старые семейные фотографии. С самого утра село оделось в красное, розовое, цветастое и расписное, из домов вышли старожилы, мальчишки бегали в косоворотках, а из ДК туда-сюда шныряли взволнованно-торжественные люди в сарафанах. Это было так сказочно и непривычно. Мы даже побежали наряжаться, когда начался концерт. Я слушала, смотрела, разговаривала и представляла, что останется после.

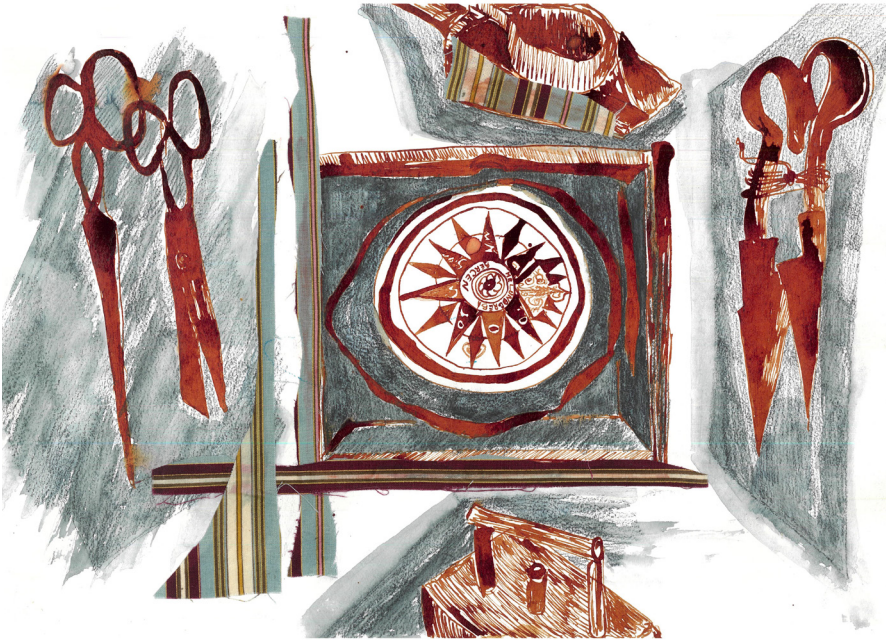
6. У обетного креста

Теперь, когда ты вернулся, я могу рассказать про крест. К берегам Дорогой Горы он приплыл по реке. С тех пор стал особенно важен для тех, кто отправляется в путь. Нужно попросить, загадать, что-то оставить. Лучше прийти рано утром, пока никого нет. Ты стоишь на высоком берегу, смотришь на реку, и она проникает в тебя, проникает так глубоко, что кажется все мысли плывут и затекают в песчаные резные берега, ты чувствуешь этот поток кончиками пальцев, он несёт тебя вниз по течению, в сторону моря, вода смывает все лишнее, мягко и настойчиво, камни распадаются в песок и снова уплотняются, образуя новые соединения. Дом Надежды стоит прямо рядом с обетным крестом. Она как будто считает себя хранительницей этого места, сажает там цветы, бережно следит за приходящими, рассказывает им историю. В детстве Надежде подарили фотоаппарат, и с тех пор она каждый день снимает. Снимает реку и жизнь возле.
И вяжет рукавицы. Из окна своего старинного дома Надежда всю жизнь смотрит на реку.
А река — это бесконечное движение. Движение к морю. Она наполняет все, вода как будто просачивается внутрь домов, перешёптывается с духами, притягивает и зовёт, защищает. Дома нанизываются на речную нить как бусины, она их соединяет и создаёт особое пространство. Пространство дома на реке. В поисках этого пространства мы и продолжаем наш путь.

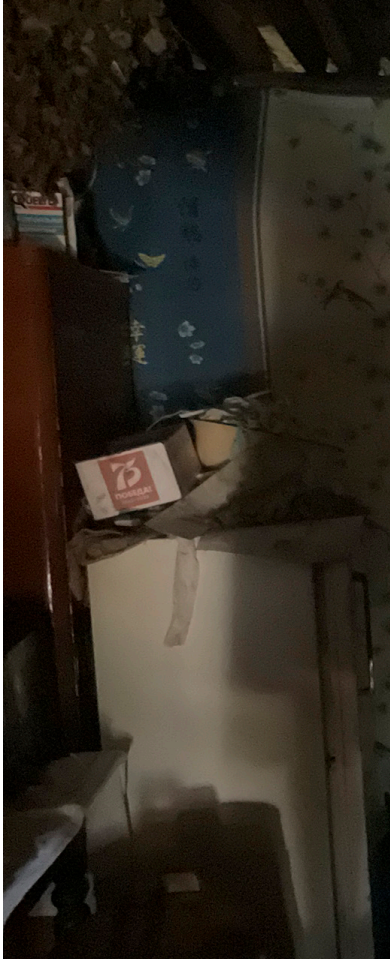
Боротарский дом культуры

7. Дом культуры

Ты застрял в Архангельске, а я застряла в Дорогорском. Как застрял во времени и дом культуры. Почти в каждой деревне. Что это? Переход между прошлым и будущим? Осколок советского настоящего? Сцена, кулисы, доски с информацией, стенды, витрины, музей, платная дискотека по праздникам? Средоточие современной деревенской жизни? В деревне Азаполье мне предложили там работать, в Палуге накормили вкусной домашней едой, в Лешуконском я неожиданно попала на репетицию местного ансамбля (подготовку к питерским гастролям). В Дорогорском я там скрывалась от проливного дождя, нашла хороший интернет и комнату памяти, где громоздились интересные штуковины. Здесь можно все про всех узнать, попроситься на чай или на ночь, переждать непогоду и найти связь. Такой своеобразный дом деревни. Как улица Ленина он повсюду и нигде, выделяется своей безликостью и типовой характерностью. Но вместе с тоскливостью казенных цветов — радушие и теплота деревенского духа. Вместе и вместо. Так и не понимаю, что это за здание такое и как к нему относиться? Наверное, это дом, где хранится культура, мы там нашли ее частички. Пока все немного расклеивается, распадается на части, мы все пытаемся заглянуть в глубину, протиснуться в щели опустевшего дома.



8. Для рыбы на дорогу



«Для рыбы на дорогу» — читаю я в дневниках Анатолия Кузьмина — это дедушка-рыбак, которого мы снова повстречали в селе Козьмогородское. Когда-то Егор привёз четыре подмокших тетрадки, куда с июня 1991 по июль 2010 Кузьмин записывал ход дней на рыбном промысле. Направление ветра, пойманная рыба, распорядок дня. Я читала эти дни, и они протекали как река мимо — медленно, бессобытийно, навсегда.

«6/VI-91 Вышли из дому в 10 утра, из Каменки вышли в 9 вечера. Шли тихо, ломались моторы. Пришли в Боровую 7/VI-91. Вечером в 9 шли целые сутки. 8/VI и 9/VI отдыхали, привальная, ходили в Большую Боровую в гости. 10/VI ходили на режмы, но мест хороших нет. Пригнал я коня возить дрова.

2/VIII-95 Ильин день. Выехали на режму в 9:00. Погода немного штормит. Попало хорошо, рыба хорошая. Вечером поставили новый крест и немного выпили, взяли 7 сахаровых.

23/VI-97 Погода хорошая, ветер восточный. Утром туман. Ночью был дождь и гром. Выехали на режму в 10. Дрифтера все сбило и пришлось направлять. Селедки попало 53 штуки опять подошли белухи и селедку поели. Потом началась сильная гроза, гром, молния и сильный дождь. Затем немного подтихло и мы поставили 5-ю рюжу. Камбалы попало кг 80, но много мелочи и начали солить отдельно в бочонки.

21/VII-2010 Погода умеренная. Ветер юго-запад, не очень сильный. Утром встали в пять, носили вещи из избы к карбасу. На воде думаем грузиться. На воде грузили карбаса, рыбу и вещи, поставили на обсушную. Думаем выйти на ночной воде, но выпустит нет. Ветер шалойник дикий. Пришли домой, затопили русскую печь для рыбы на дорогу».

.

Воскресенье 6/VII 2006 г.

Погода холодная. Ветер Северо-
западный. Дождь. Гроза и
молния с перерывами.
Выехали на рыбалку 2.30
Рыбалка плохого. Больше
Понедельник 7/VII 2006 г.
Утром ходили в заводь
посмотреть что мы ловили
Вечером ходили на рыбалку 2.30
Рыбалка плохого. Больше

смотр
нет.

17/XII-91 г. Среда.

Погода немного улучшилась. Ветер Северо-Запад

Выехали в 8²⁰ утра.

Поймано кг 180. Рыба хорошая.

Саша с Женей ходили смотреть решеты за большую боровую.

18/XII-91 г. Четверг.

Ветер Северный холодный.

Выехали в 9⁰⁰ утра.

Днём немного потеплее.

Поймано кг 200 рыба хорошая

Днём ушёл Илья Ник. Родный и дорог. лесоз. из Ольховской а так же пускали ребятишек из большой боровой не по вину в камешку.

19/VII-91г. Пятница.

Ветер Северо-Восточный умеренный. Тепло.

Выехали в 9³⁰ утра.

Выпал сильный дождь с громом и молнией, перемочил.

Прошло кл 120 Камбалка хорошая.

20/VII-91г. Суббота.

Ветер Восточный, тихо после дождя, комары убыли.

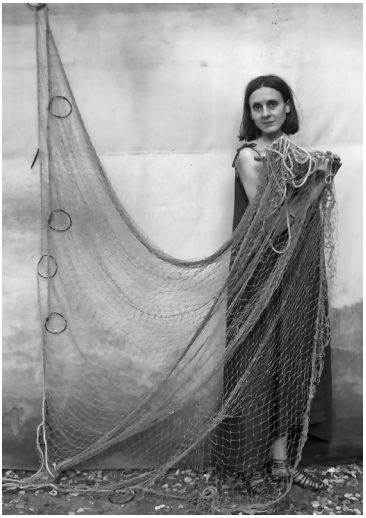
Выехали в 10³⁰ утра.

Прошло кл 150 Камбалка хорошая.

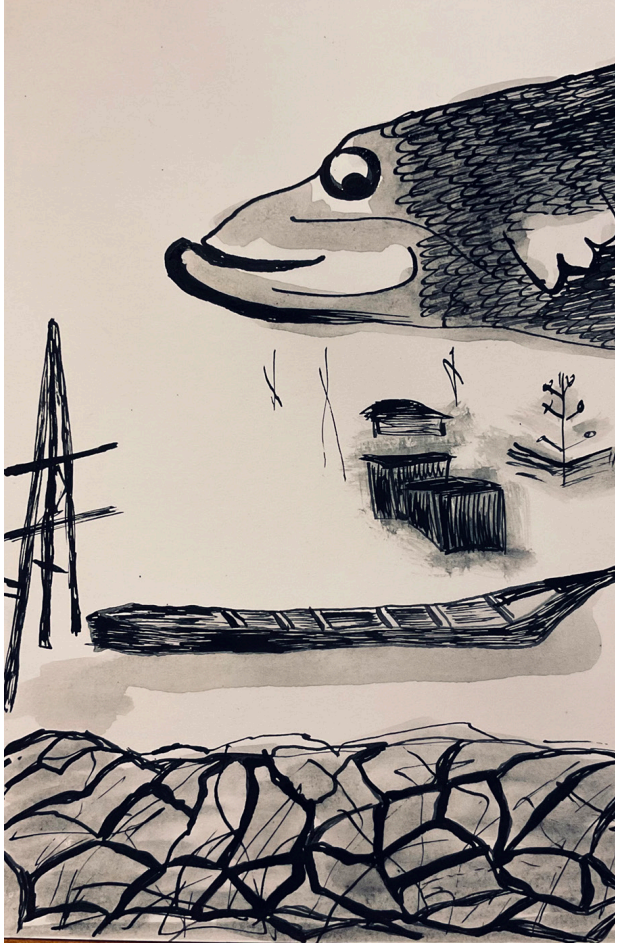
21/VII-91г. Воскресенье.

Погода хорошая. Ветер Юго-Восток. Тепло.

Утром занимались кто-о

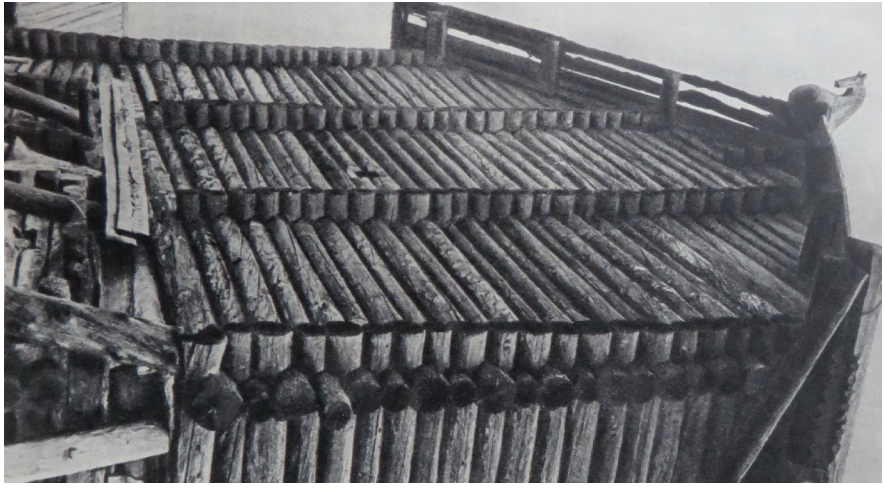


В дневниках можно спрятаться с головой, как под одеялом. Читаешь, и тебя укутывает, убаюкивает слово своим неспешным чётким ритмом, заглядываешь из осени в лето— в летопись рыбака. Обрывки событий и случайные тени остаются в словах, в рутине и неповторимости каждого дня. И все что случается, собирается в бумажные рукописные дни и замирает. Может быть, на время.



10. Погорелец

Прошло столько времени и событий, и только солнце в осеннем лесу ещё вспоминает о лете, пока мои мысли всё там. В голове ветер и тихий шелест воды. И вот я впервые сажусь за руль, смотрю на створы, которые кажутся мне белыми палочками то вблизи, то вдалеке, я должна держать курс. Пытаясь нащупать подход к деревне среди царства песчаных полос все-таки сажаю карбас на мель. И вот мы стоим, в голове ветер и тихий шелест воды. Вокруг ошеломительная красота, уже виден возвышающийся берег, мельницы и тёмные силуэты домов. И вода, изрезанная песком. История Погорельца как будто скрылась от нас, не захотела показываться. Когда добрались до берега, варили уху на костре и заснули, любуясь туманом.
А на следующий день большие деревянные дома молчали. Церковь нам открыла Александра, сестра жены Виктора Петровича. Мы поднялись на колокольню. Потом зашли в гости в один из домов. В памяти осталась очень маленького роста приветливая хозяйка, она почти ничего не помнила про старые времена своей родной деревни, напоила чаем, вышла нас провожать на огромную поветь. И дома, которые молчали. Что помнят они? Что повидали? А я всё думала, что, наверное, деревянные деревни нередко горели, но почему где-то пожар стал частью их названия? Определил их судьбу?

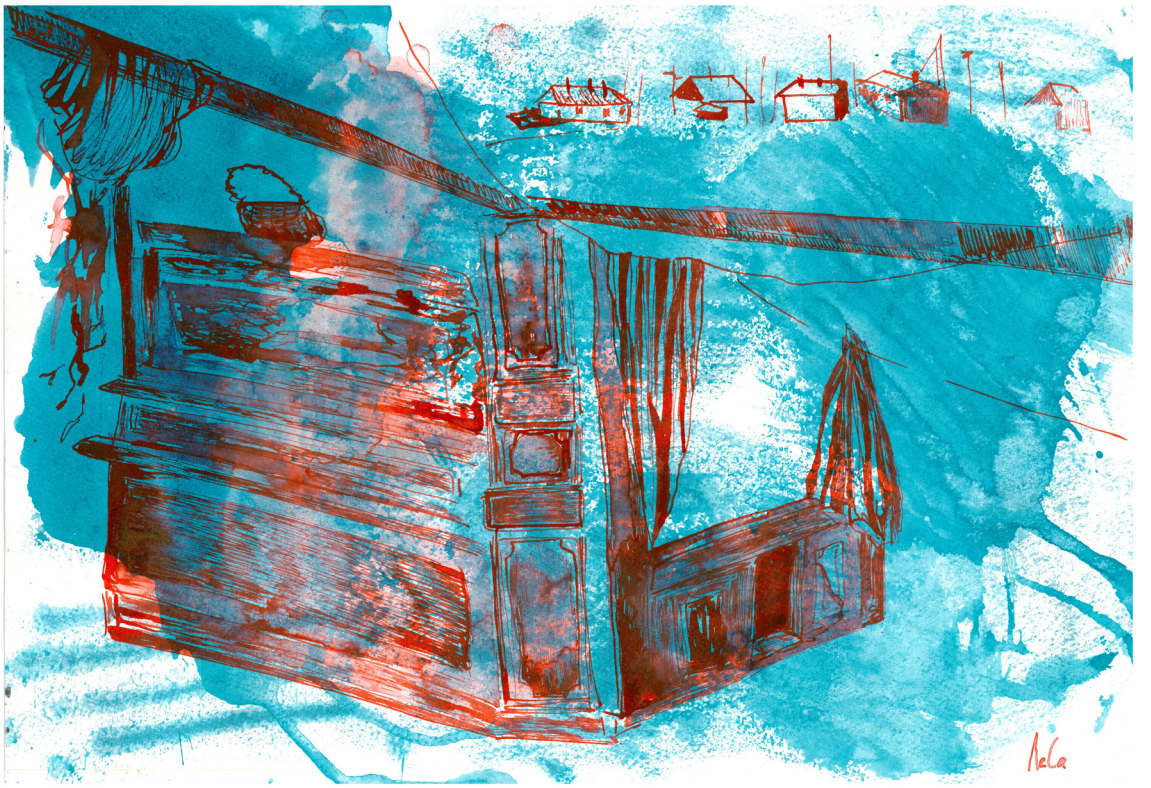


Погорелец. Дворовая часть дома П.С. Водыниной.
Источник: М.И. Мильчик, «По берегам Пинеги и Мезени», Искусство, Ленинградское отделение, 1971

Ветряные мельницы XIX века у села Погорельское.
Источник: Г. Богуславский, Память России, «Советская Россия», 1969.

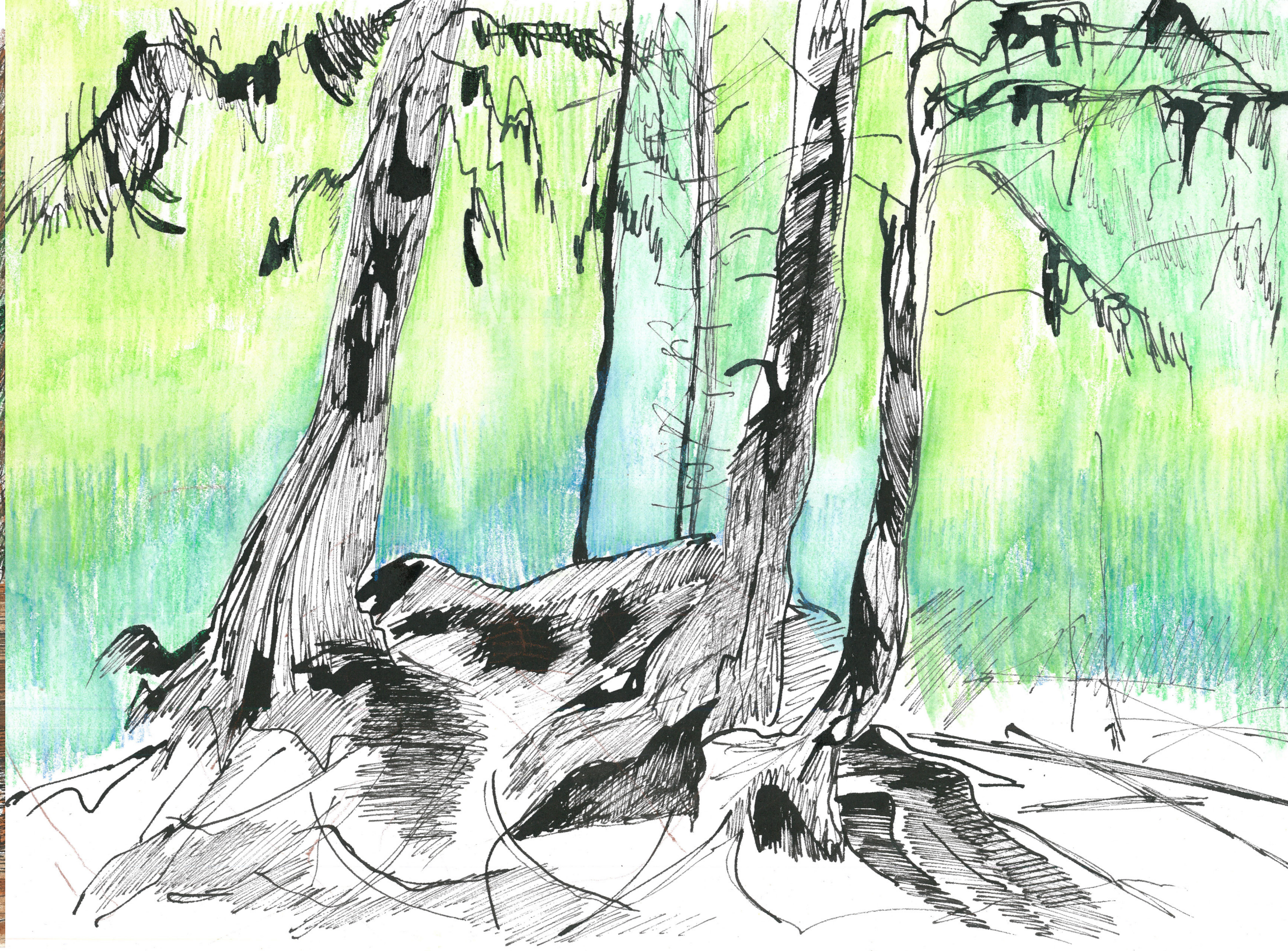
Селение Погорельское Мезенского района Архангельской области.
Источник: И.В. Маковецкий «Памятники народного зодчества русского Севера», М., 1955.

Ветряные мельницы XIX века у села Погорельское.
Источник: Г. Богуславский, Память России, «Советская Россия», 1969.


Nela

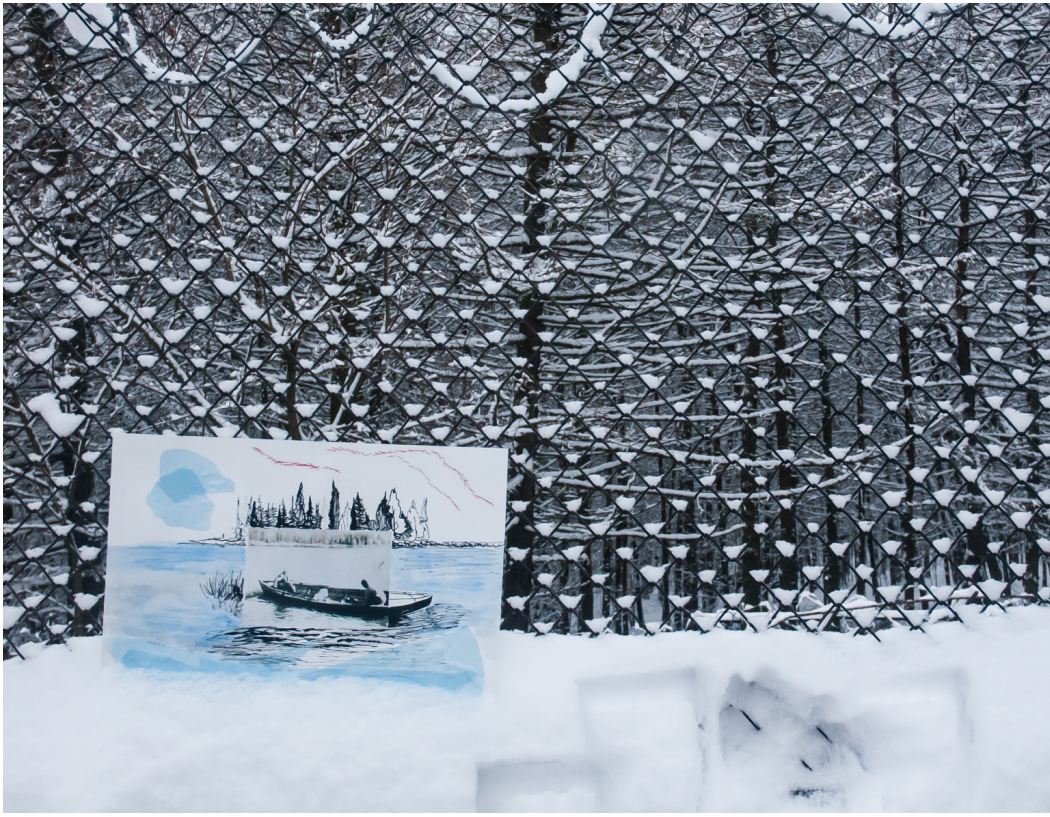
11. Дорога через лес

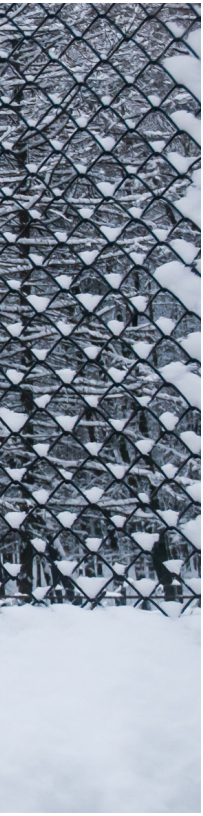
В этом лесу можно было громко кричать. Кричать всё, что хочешь, что давно хотелось выкрикнуть, чтобы услышали деревья, и все мироздание. Мы шли то молча, похрустывая веточками под ногами, то что-то напевая, то вдруг выкрикивая всё, что копилось комом в горле. Мы шли в заброшенную пустую деревню Черсова сквозь полузаросшую лесную дорогу. Мы кричали, пели и хлопали в ладоши и отгоняли мух и комаров. От жары и насекомых в голове было туманно, хотелось пить, не потеряться и не встретить медведя. Я смотрела на солнечный свет сквозь густые еловые лапы и грезила — мне представлялись разные сказочные обитатели леса, когда, наконец, мы вышли на луг и сквозь высокую траву увидели верхушки домов и церковь, которые как будто плыли куда-то, покачиваясь на зелёных волнах. Потом мы пробирались от дома к дому, заглядывая в щели и окна на оставленный, но как будто живущий и дальше мир. Было жутковато от возможности нарушить его, я думала, что там внутри уже другое время и пространство, и если вторгнуться, можно случайно застрять и остаться там навсегда. Все человеческое постепенно уступало место лесу. Дома словно уходили в землю, как затонувшие корабли, ставшие домом для рыб и моллюсков. Я смотрела в щели, и внутри все ещё звучал лесной свободный крик — мне очень хотелось докричаться до уходящей памяти, удержать рассыпающиеся доски, запомнить что-то, сохранить, забрать с собой. Но в пространстве этих домов какая-то неведомая сила сковывала скулы, и как во сне все тело становилось ватным, а голос пропадал. И невозможно было убежать или закричать, чтобы позвать на помощь. Тогда мы забрали только то, что просочилось сквозь щели между брёвен, и с криком вернулись через лес.



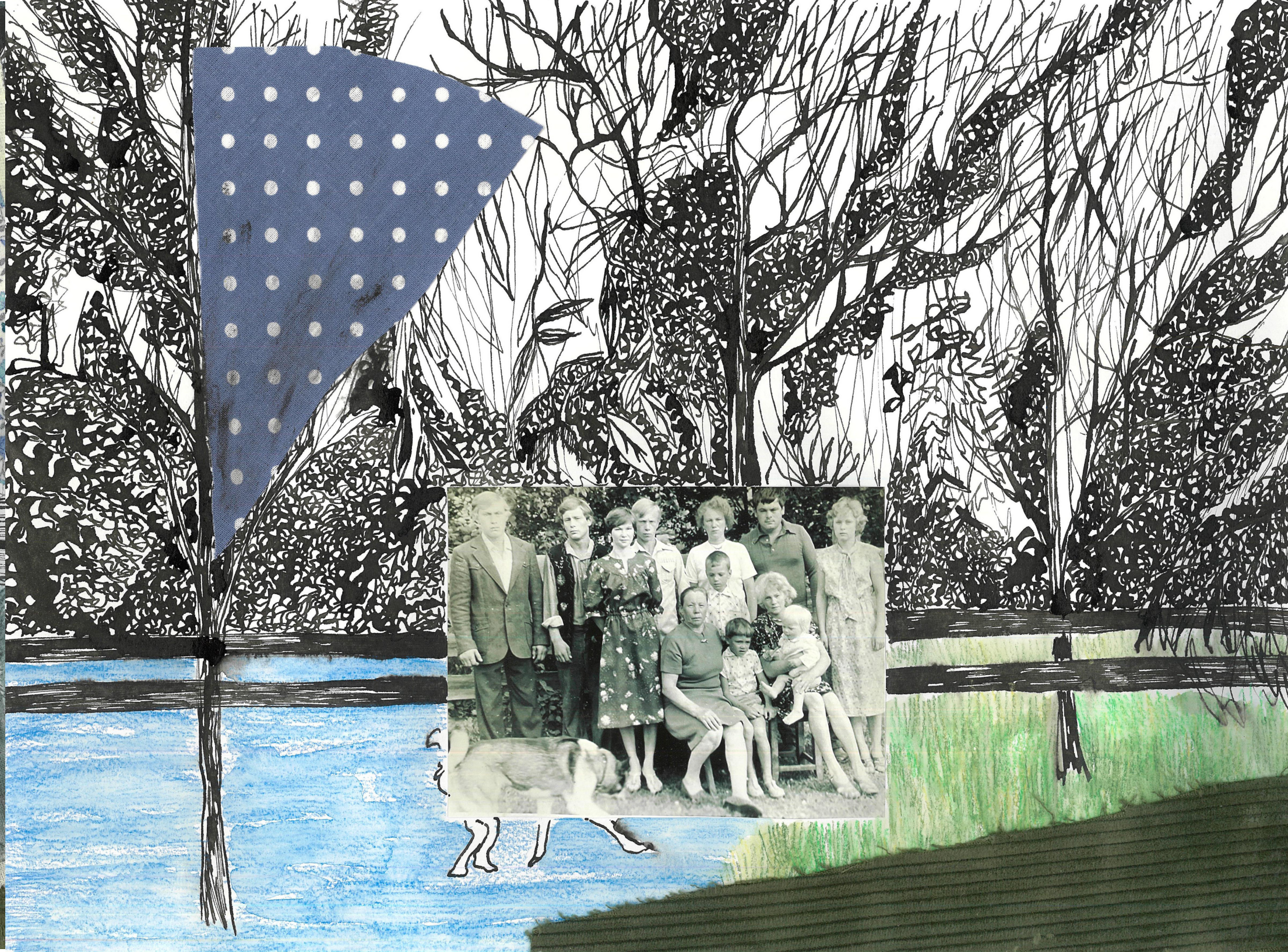
12. Дом матери

Показалось, что вокруг всё тонуло в бесконечности зимы, когда вдруг чёрные камни из снега разломились и потекли. И что-то сдвинулось, я снова стала вспоминать. Огромные дома из тёмного дерева. Высокий берег реки Мезень. Всю зиму, пока снег заметал наши окна и двери подъездов, я всё думала о деревне Азаполье. Несколько дней и целую вечность, да и до сих пор, наверное, мы кружили и кружим вокруг её жителей и историй, мы заглядывали в прошлое и думали о том, что сейчас. Мы догадывались, что в деревне жили и живут «знаткие» люди — они лечат и заговаривают, кого-то из них избегают, а к кому-то бегут просить о помощи. В дом к одной из таких женщин, которой уже не было, но её хорошо помнили, мы зашли с ее сыном. Анатолий



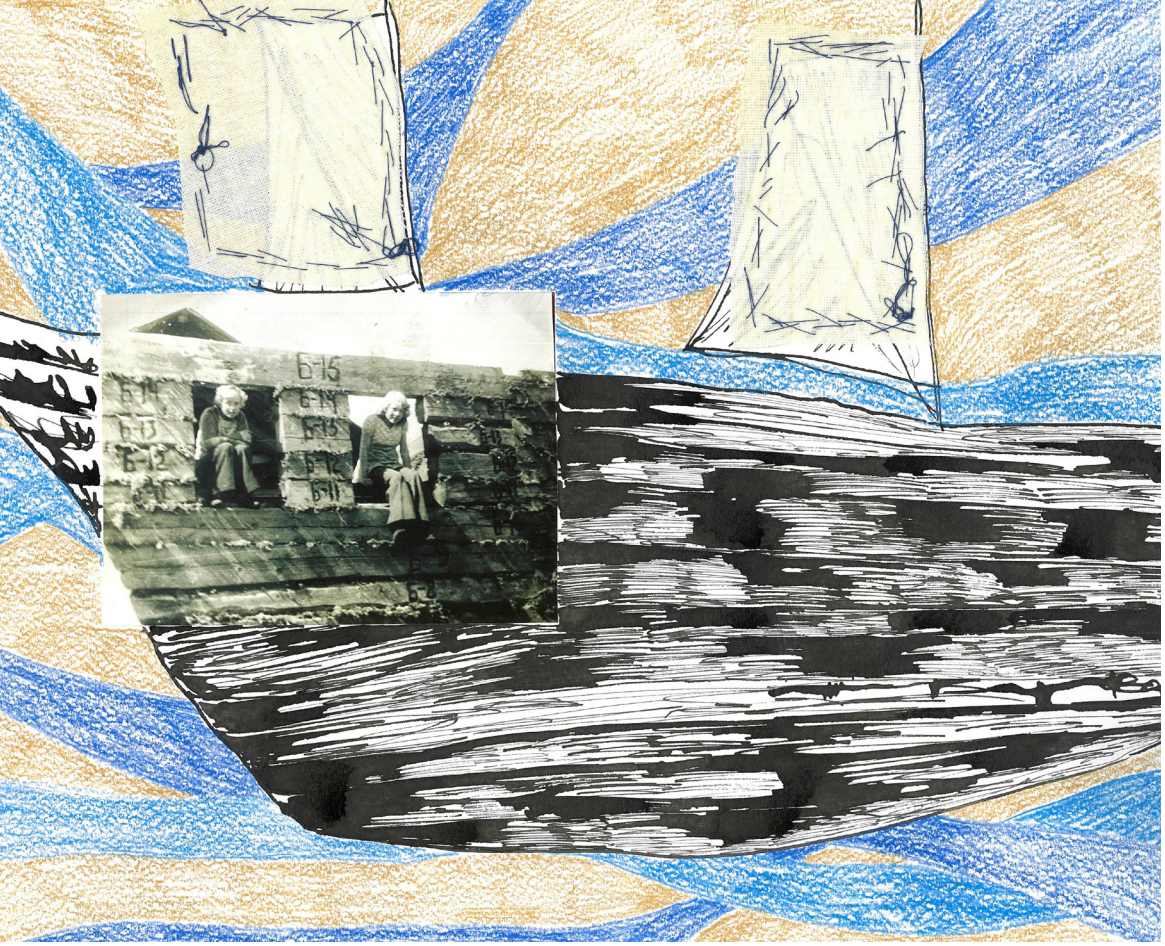


приходит туда каждую неделю, чтобы дом жил даже после ухода его хозяйки. Мы бродили по опустевшим комнатам, я всматривалась в складки тканей, а за нами по чердаку и повети ходили наши тени, и пространство как будто колыхалось, дышало, что-то рассказывало нам. Надо было только прислушаться, замереть, закрыть глаза и вспомнить. Старые альбомы с фотографиями. Может быть, они переживут этот дом и нас? Оказавшись в большом городе, запрыгнув в мой рюкзак, они как будто забрали с собой кусочек реки и колдовства, и застывший сугроб вдруг растекается миллионами угольных ручейков. Смотрит на нас глазами речных жителей.



13. Дом-корабль

Помнишь, тогда начался июль и было очень жарко. А ещё появились мухи — большие и кусачие. А мы подошли к деревне Азаполье, и ты предупредил, что здесь много всего интересного и стоит здесь задержаться. Наверное, мы поняли эти слова слишком буквально, так долго бродили мимо старых домов, ходили к поклонным крестам в лес, качались на качелях, взлетая над высоким берегом реки, снова и снова возвращались в гости. Расспрашивали и выспрашивали, смотрели и запоминали. И вот уже мы плывём дальше, и огромный северный дом из тёсанных брёвен превратился в корабль. И вот уже мы снова там — в поле среди высокой травы в самый разгар этого короткого мезенского лета. И вот уже время словно замерло и заснуло, прошла зима, а дом и правда стал кораблем и глядишь скоро поплывет. А мы то ли полдничаем в траве, в тени грузовика полстолетия назад, то ли ищем этот уходящий мир среди наших безликих домов и подъездов.



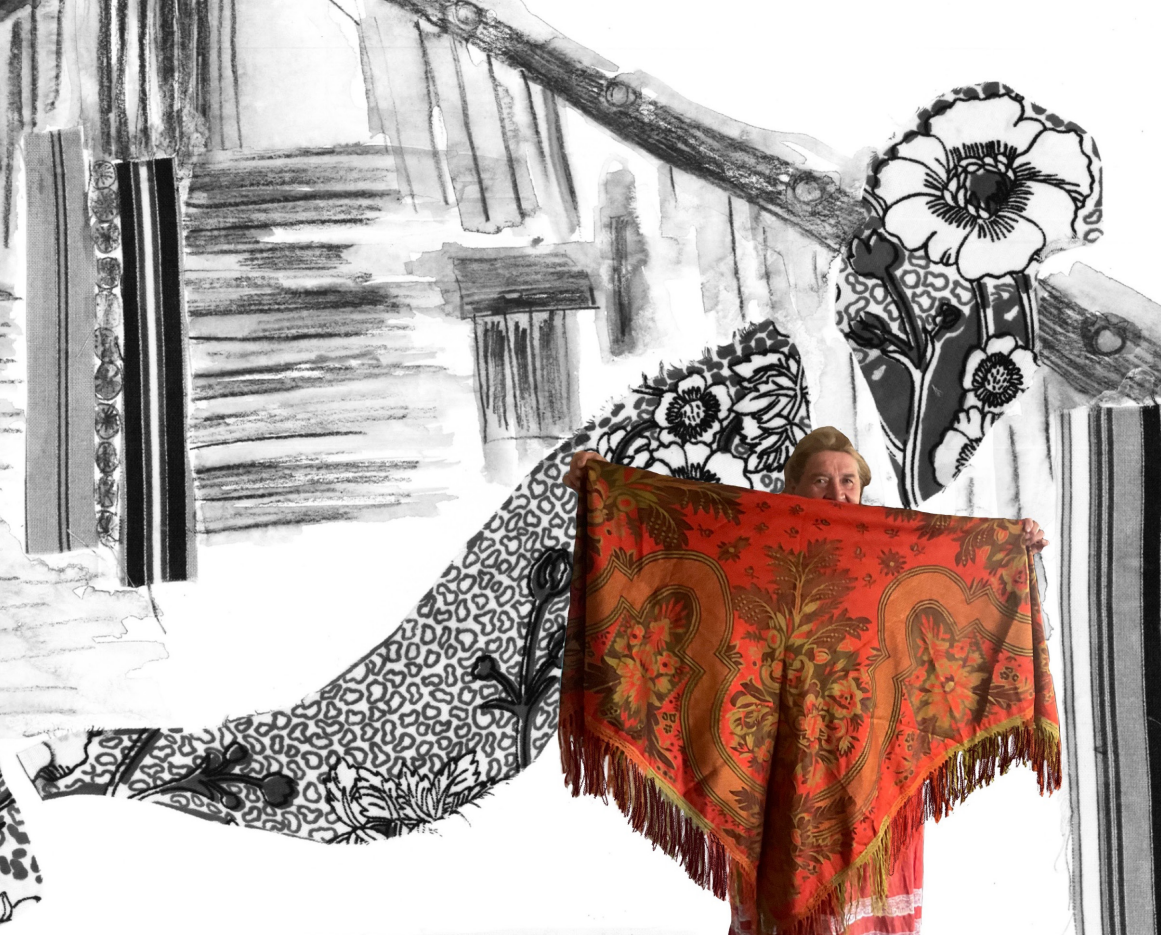
Архангельск - музей деревянного зодчества - 1990

14. Анна Васильевна

Послушай, что я ещё вспомню о старинной деревне Азаполье и её речных жителях. «Рашмаков Анатолий Семенович, а мама Анна Васильевна Рашмакова, — рассказывает мне Мария Васильевна Юдина, — Мы вместе с ней в хоре пели, когда она жива была. Она тоже заговоры знала, могла снять всё. Водичку заговаривала, когда человек испугается, снимала испуг. У них семья большая была, из них в живых осталось совсем немного. Трое всего осталось. У Анны Васильевны муж очень рано умер — в 69 или в 68 году. Этот Толя маленький ему было всего два или три годика — без отца остался. И также все дети их, пришлось ей одной женщине всех воспитывать. Выучить и прочее. У них была Валентина, Александр, Шура, Вася, Поля, Таня, Толя— шесть или семь или кого-то ещё пропустила. Очень большая семья у них была, из них только остались совсем немного. У нас хор начался в 90 году. Мы ходили с женщинами в танцевальную группу, нас четыре женщины, четыре молодых человека. Остальные бабушки постарше были, мы с ними песни пели. Мы с ними в Архангельск ездили и по районам ездили. Это давно было. Сейчас уже бабушек не стало, женщины другие не все хотят. Дом культуры у нас так и не открылся, на Новый год ёлку установили, спектакль на Новый год репетировали, а потом на Новый год почти никто и не пришёл. Ещё у нас ёлка стоит на детской площадке, там хороводы водили, я была тут дедом морозом, потом была бабой Ягой, вот такие роли у меня интересные. Жителей стало мало, раньше 400 человек жило в нашей деревне, сейчас около 60 человек, так некому идти-то. Ну молодежь-то — дороги были через речку — дети-то наши приезжали все».

15. Заговоры

Ты был на корабле, как и сейчас, только тогда в Азаполье, а теперь — спустя год — уже снова в Архангельске. Мы все гуляли по деревне и заглядывали в старые дома. К Марии Васильевне заходили раза четыре, каждый раз прощались, чтобы потом снова вернуться, а она нас снова принимала и угощала молоком, творогом, показывала и рассказывала. И вроде почти год прошел, и путь уже пройден до конца, но всё ещё не с начала. И поэтому я всё слушаю и расспрашиваю: «Моя бабушка — Ефимья Александровна, умерла она в возрасте 90 лет, я у неё была одна внучка всего. Бабушка моя прожила до 90 лет. Всю свою трудовую жизнь работала, такая рукодельница была, делала добро людям, многим помогла. Вырастила нас. Жизнь трудная была у их поколения. Одна вырастила трое детей, муж погиб на войне. Заговоры — это бабушкино. Я одноучка. Добро делать — это, по-моему, неплохо, если что-то помогает. Я так-то больше применяла заговоры, когда болели диатезом или экзема — заговор с засеканием. Это раньше болели много люди. Сейчас, возможно, что-то пригодится, что-то — обходятся так люди. Бабушка Сима. Бабушка. Красную ткань, сатин или лен, подвязать, мы-то когда делаем, так я кремнем засекаю, потом вот этой красной тканью покрываю, привязываю к месту, где краснота начинается, и которую эта ткань убирает. Я, как бабушка делала, так и делаю, больше-то не знаю. И ручки, и ножки, и головушку завязываю. Разными кусочками. Ножки обвяжу красной тканью, потом еще такими ленточками. Ручки обвязываю. Кремнем засекать: слова говорятся, обводится мелом пораженный участок допустим на ручке, с этой стороны и с другой, и засекается. То есть искорки такие летят, и потом ещё на ткань засекается. Вот одна бабушка у меня болела, у неё была такая сильная экзема, потом поделала ей, у неё всё прошло, через несколько лет опять снова началось. Я поделала, и она до сих пор живет бабушка эта, 97 лет, не знаю, с чем это связано. Отчего это у неё было?»



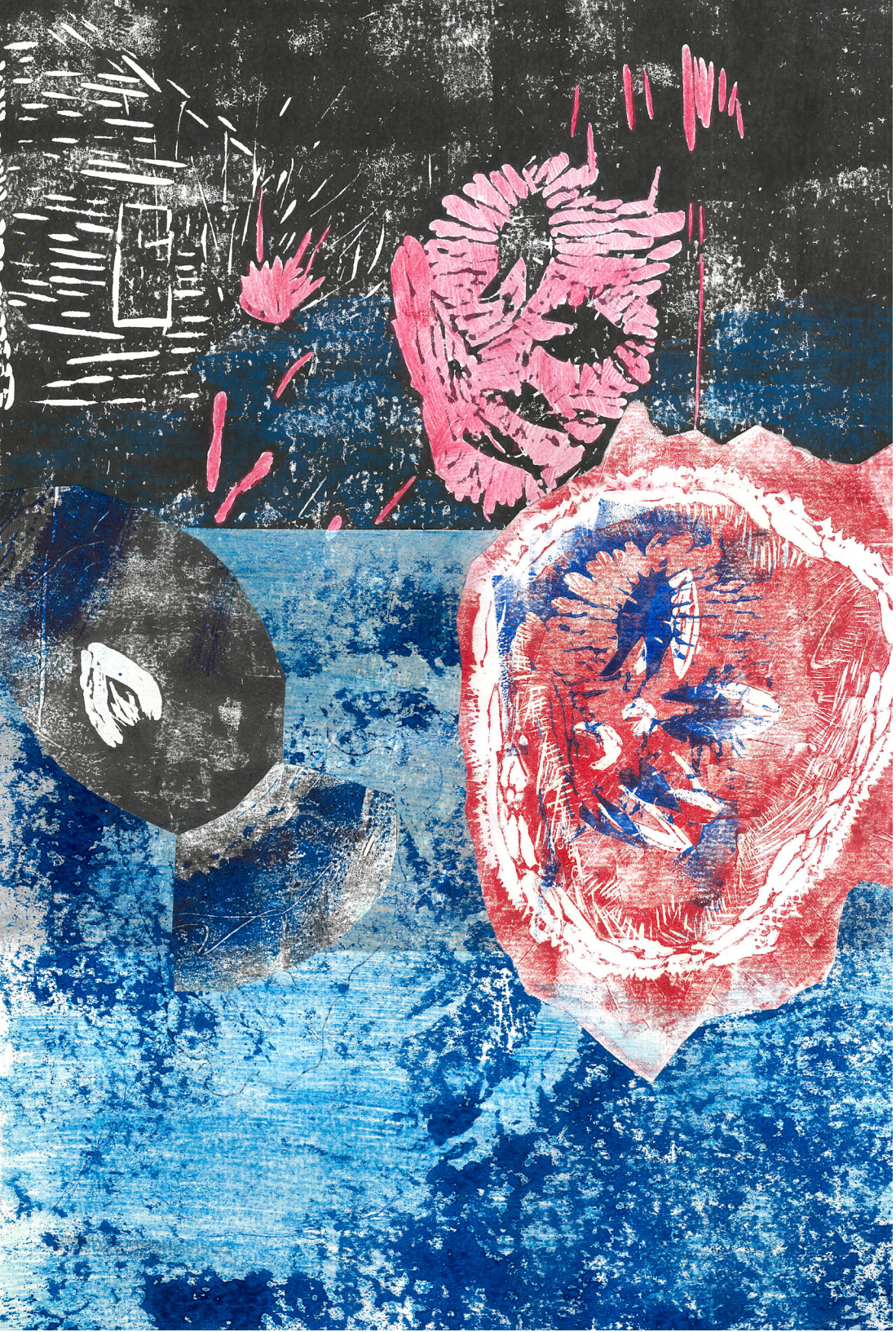
16. Азаполье

В Азаполье на высоком берегу стоят деревянные качели — взлетаешь так высоко над рекой, что дух захватывает — раскачиваешься стоя и смотришь в глубину неба, воды, песка. Дома, рассыпанные над этими просторами, стоят полные тайн и историй. Мария Васильевна рассказывает: «У нас в деревне есть такая качель на угорье, мой родительский дом через один от этой качели. Вот там мы всё детство качались. Ничего не боялись, аж через перекладину видели поля. Представляете? Я помню даже в детстве писала сочинение, что я буду лётчиком. А такой лётчик сидит дома. Бесстрашные были такие, в общем все обошлось. Эти качели ещё мой папа делал. Любители были, песни поём, качаемся!»

Деревенька моя

От станции нашей дорога знакома
Исхожены здесь все тропинки, пути
К родному крыльцу деревенского дома
Веди меня сердце, веди
В края луговые уводит дорога,
Уводит в речные края
Как мало мне надо,
Как надо немного,
Жила бы деревня моя
Жила бы деревня моя
Вдали показались знакомые крыши,
Слезинкой блеснуло окно в полутьме
Деревня шаги по дороге заслышит
Как мама выходит навстречу ко мне
Тебя не забыть мне родная сторонка
Хоть время бежит, как вода сквозь песок,
Все также бежит на свидание девчонка,
Все также скрепит деревянный мосток.

Из записной книжки М.В. Юдиной.



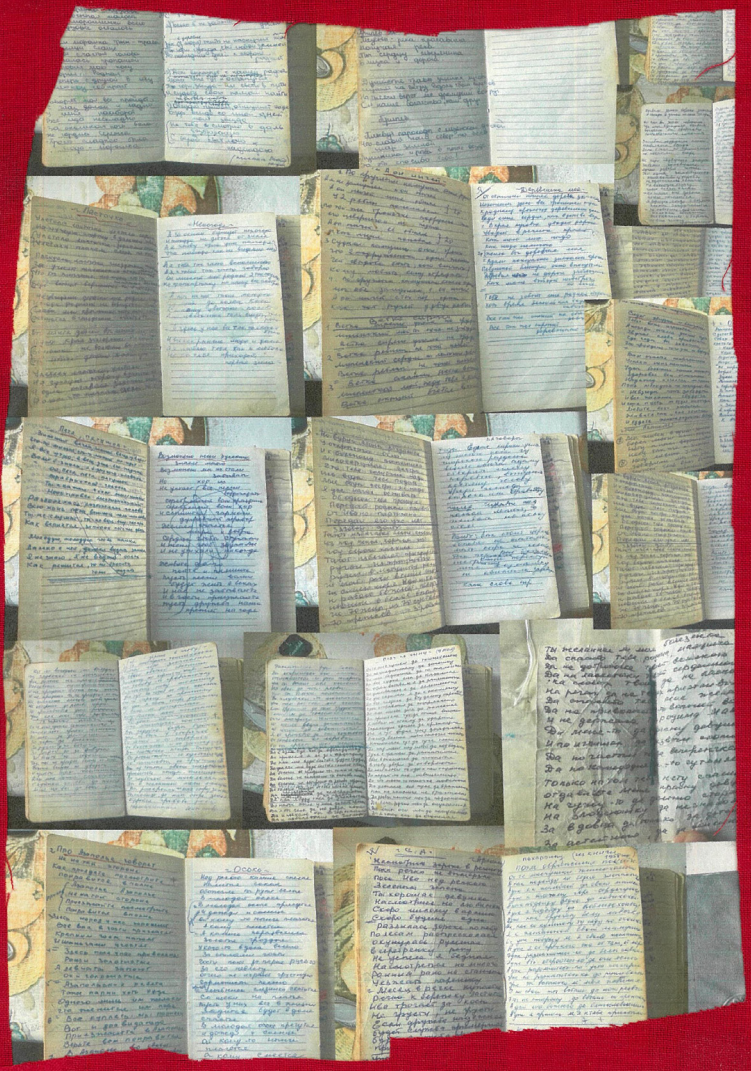
17. Вся голова в сене

Черсова — когда-то была жилая деревня, потом все жители переехали в Целегору, там школы не было. Церковь, которая в Черсова, была когда-то перевезена из нашей деревни. А вообще в Азаполье было две церкви, там, где сейчас клуб, и пониже, где маслозавод, там тоже была церковь, у нас церковь была зимняя и летняя. Неперспективная значит там не был никакого производства, труднодоступная, небольшая деревенька. В нашей деревне уже тоже ничего нет, совхоз, колхоз, всё закрыто, только личное хозяйство имеем, коров, две коровы, да все нормально, сама видела сколько сена надо заготовлять.
У нас две коровы, два быка и два бычка.

2022

18. Пожар

«В 31 году был сильный пожар в деревне, — я продолжаю расспрашивать Марию Васильевну, а она вспоминает: «Моя бабушка рассказывала, что они были все на сенокосе, приехали, а домов у многих нет. Всё сгорело. Потом они построили двухквартирные дома — с одной стороны на два жителя и с другой. Все одинаковые. По обочинам тут как-то загорелось среди лета, люди были все на сенокосе. У моей бабушки был такой случай — у них шаровая молния зашла к ним на чердак. Представляете? И ночью сильная гроза была, и они все спали. К нам стучатся — у вас у бабушки горит дом. И мы скорее побежали, на чердаке там всё горит. Это большой дом на два жителя, там сейчас почта находится на этом месте. Мы забежали в дом, кое-какие вещи вытащили, жители тут все в деревне прибежали. Сгорел от шаровой молнии дом. Мгновенно. Уже на чердаке горело, мы успели еще забежать в одну из комнат, хоть что-то. Мой муж успел вытащить икону Николая Чудотворца. А я — какие-то сарафаны. Из шифоньера какие-то сарафаны, они вот до сих пор так и остались. Повязка с жемчугами сгорела, она была в ящичке, много всего сгорело. Нехорошее такое явление, страшное. Молодёжь гуляла по улице и видела, что шар катится и прямо к ним туда в дом зашёл. Бабушка Сима меня спасла, когда я угорела. Я маленькая была, и мама подумала, что я умерла. Она побежала в поле, она там в поле жала, и сказала, что я уже угорела, она пришла, и я не дышала, она потом что-то со мной делала-делала, и я потом ожила. Так что есть за что её благодарить. Бабушка, если бы не ты, то не было бы меня! Это я еще маленькая совсем была. Я родилась 31 августа, это было в сентябре, возможно. Раньше сеяли ячмень. Этот ячмень, снопы, их сушили на печке. Возможно, запах шёл какой-то. Осеннее время было. А так-то у меня много таких случаев было, когда меня спасает кто-то, что-то пока. В море много раз. И в общей лодке, тонули. Как-то 18 человек в лодке нас ехало луга убирать, лодка опрокинулась, мы все в воде оказались, школьники еще были. Много всего было. Это было начало июня, убирали луга. Занималась спортом, зимой я всегда на лыжах бегала, а в летний период ядро и диск — мои виды спорта были. Однажды в Архангельске, когда я училась, ядра бросали в поле, я убежала за ядром, и девочка одна взяла без разрешения, без команды бросила, и мне попало ядро в голову, трёхкилограммовое металлическое ядро — в верх головы. Я даже и не помню, что потом было, потому что я без сознания была. Но жива осталась».

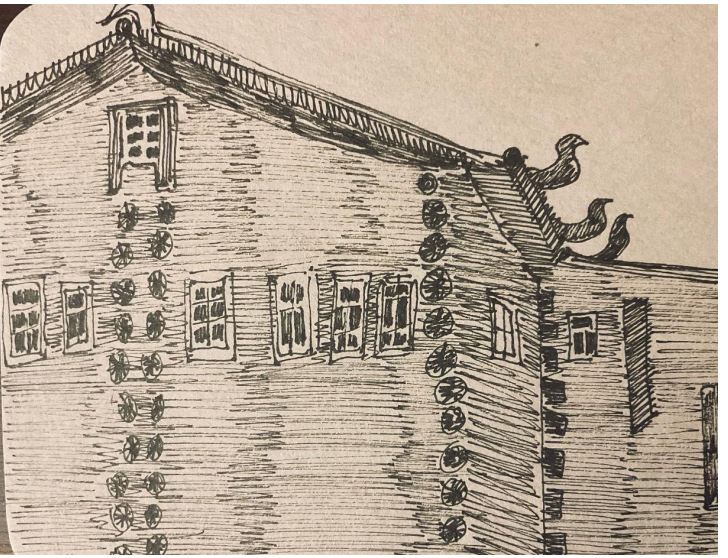


19. Белемнитовые люди

Прошло так много времени с тех пор, что пора бы уже и забыть. Забыть, как мы впервые шли под парусами зигзагами пересекая реку, как наш карбас вдруг затих и полетел, и как будто не ты уже определяешь свой путь, а река и ветер, а ты договариваешься с ними каждую секунду и чувствуешь прямо внутри своих ног, как лодка то заскользит по поверхности, то призадумается, качнётся на волне. Мы шли так неспешно, как будто карбасу нужно было время, чтобы познакомиться с рекой — и в доме культуры, стоящем на высоком берегу деревни, уже накрыли стол. На пляж высыпали дети, они зашли в воду и обступили нас. Здесь мы узнали, что за деревней есть место, где река вымывает древние камни — белемниты — их собирают и стачивают ножом в крошку, а потом используют в лечебных целях. Пока мы ходили по песку, выискивая глазами обломки «чёртовых пальцев», нам насобирали целый мешок целебных древностей. Там же на высоком угорье можно было накопать голубой глины. И нигде больше такого на Мезени нет.
На окраине деревни за рекой стоит старинный резной и расписной деревянный крест, для которого построили часовню. В деревне мы познакомились с Нелли Фёдоровной Хахилевой — она живет в доме 1816 года, это дом семьи её покойного мужа. Муж её умер, когда ему было 38 лет и вообще «в этом доме мужчины долго не живут». Её отец тоже рано умер, на Великой отечественной, дед тоже. Зато мама прожила ровно 100 лет, во время войны была бригадиром деревни. Бабушка прожила 92. Когда я пришла, ко двери дома была приставлена палочка, а Нелли Фёдоровна складывала поленницу из дров во дворе. Потом мы сели в доме у печки и пили чай. Илюша набрал в рот уголь из печки, и, увидев моё смущение, хозяйка рассмеялась и сказала, что детям это даже полезно. Внутри было очень чисто и красиво.
Я спросила про важные для неё вещи в доме. Нелли Фёдоровна достала семейную реликвию — старинный платок своей матери.

20. Усть-Нерманка

Я постепенно двигаюсь к началу. И кажется, уже не вспомнить все детали, не узнать, как и чем жила деревня тогда, когда еще была жива. Мы зашли в Усть-Нерманку, потому что знали, что здесь есть красивая старинная церковь. Я помню ряд старых покосившихся как будто поплывших по нескошенной траве домов. Ветер. Прямо возле церкви дом с необычным крыльцом, год постройки написан под крышей на консолях — 1873, открытая дверь повети. Внутри оставленная жизнь. Мастерская, старая детская коляска, ящики с плёнками, наверху рюжи, корзины, много старых молчаливых вещей. Смотрят, как мы поднимаемся на чердак, как находим под самой крышей в центре дома лебедя — голову и лапы. Там же глинянная бадья с камнями и костями. Смотрят, как мы ходим по скрипящим доскам, заглядываем в углы и в высокое окно на реку. Смотрят. Я чувствую, как смотрят, как вспоминают. Что-то помнят, что-то хранят. Тайны, которых нам не узнать. Мы уходим, забрав оттуда расписную дугу для лошади и загадку этого места.



Ala

1873

21. Заозерье

Мы шли туда через лес и другие деревни. Дома стояли величественные, огромные. Мы шли, погружаясь в глубину травы, колодцев и ручейков, тропинок, леса, стоящих одна из другой деревень. Прошли сквозь деревню Заручей мимо обетных крестов с навязанными на них тряпочками и лежащими у подножия патронами. Мы представляли, как кипела здесь жизнь несколько десятков лет назад. В Заозерье мы сразу увидели высокую колокольню и церковь, там же встретили Алексея. Он вернулся в свою родную деревню, где ходил в школу много лет, и сейчас реставрирует старинную пятиглавую церковь с колокольней 1883 года, рассказывает, что сейчас в деревне зимуют всего два человека, два дома. А когда-то это был центр всего «куста» деревень. Мы смотрим церковь, поднимаемся на колокольню, слушаем, звоним в колокола, смотрим с высоты на темно-деревянные дома — целые уходящие миры, замершие здесь на время, как заколдованные в сказочной деревне за озером. Мы забираемся в эту глубину, и вот уже сидим у Алексея пьём чай, он растапливает самовар от печки, отправляет нас в баню. У Алексея есть телефон. И мы звоним, узнаем про переправу. Наверное, сейчас уже можно считать, что здесь начало нашего пути. Мы долго сидим за столом, я рисую смотрящую в окно церковь, печку, самовар. Что же дальше, неужели переправа через понтон через несколько дней и все? Ты звонишь, разговариваешь, мы обсуждаем, сверяем планы и решаем не спешить. Ведь путь только начался. А Алексей наблюдает за нами, хмурится, улыбается, подливает чаю, да приговаривает: «Река не любит спешки, здесь время течёт иначе, здесь так нельзя». Мы благодарим и выходим в заросшую разнотравьем деревню, садимся в машину удивленного хозяина (решили задержаться и уезжают?), он подвозит нас к карбасу. Впереди еще целое путешествие, огромный путь. Мы больше не торопимся. Спасибо, Алексей, спасибо Мезень. Вам удалось замедлить наше время, наполнить памятью мой путь.

REPEAT

Тираж — 100 экз.

Тексты, рисунки, коллажи, фотографии, дизайн, вёрстка — Елена Сакирко.

В проекте также использованы фотографии Егора Староверова и Алены Дергач и снимки из семейного архива Анатолия Рашмакова, фрагменты записной книжки Марии Юдиной из деревни Азаполье и дневников Анатолия Кузьмина из села Козьмогородское.

2024 год.

Путь к морю — книга о путешествии по реке Мезень Архангельской области в июле 2022 года на карбасе, построенном в селе Лешуконское мастером Виктором Петровичем Кузнецовым вместе с моим мужем, исследователем поморской культуры Егором Староверовым.

Мы спускались на небольшой деревянной лодке по реке Мезень к Белому морю. Шли неспешно, заходили в старые деревни, заглядывали в дома — жилые и оставленные — те, что хранят память о месте и его людях, выветренные временем, зарастающие лесом. Вернувшись домой, я продолжала путешествие — писала письма-воспоминания любимому человеку, по кусочкам собирая память о месте и людях, о том, что осталось внутри меня после пройденного пути.

Мезень — огромная северная река, которая впадает в Белое море. По берегам Мезени расположены деревни, где люди жили рыбным промыслом. Ходили в море. Море — это опасность, встреча со стихией и, как и вода в целом — встреча со смертью и перерождение. Путь к морю — это тот путь, который проделывали рыбаки всю свою жизнь, занимаясь промыслом, и их жены, которые ждали, вели трудное хозяйство, растили детей, плакали, молились, совершали обряды.

Я заглядываю в огромные северные дома-сундуки, читаю и слушаю поморские сказы, наблюдаю за бесконечным потоком воды, изрезанной песком, стучусь в двери к старожилам и старожительницам — я хочу ухватить что-то ускользающее, продлить память, я спрашиваю, можно ли воссоздать, сохранить, дать ещё одну жизнь — что осталось?